

Почему Цзе Юйчэнь и Чжан Хайкэ решили намеренно отправить его подальше, Черный Ослик понимал прекрасно.

Но он не стал ничего говорить.

Он понимал их беспокойство и был готов подыграть этому намерению.

Поэтому в те дни, когда он спокойно восстанавливался в родовом поместье Чжанов, он на удивление легко шёл на сотрудничество, послушно оставаясь во дворе и позволяя времени течь неторопливо.

Полуденный свет был мягким и тёплым, он полулежал в кресле-качалке, слегка покачиваясь вперед-назад.

Кресло издавало мерный скрип, похожий на старинную колыбельную.

Когда Цзе Юйчэнь толкнул дверь и вошел, перед ним предстала именно эта картина.

Черный Ослик держал глаза закрытыми, но в уголках его губ играла ленивая улыбка, и весь его облик словно растворялся в этом умиротворении.

Ты знаешь, а ведь неплохо, услышав шаги, не открывая глаз, протянул Черный Ослик, если вот так лежать и ни о чём не думать... пожалуй, и вправду удобно.

Как давно он так по-настоящему не отдыхал?

Уж и не помнит.

Кажется, с тех пор, как Чжан Цилин с головой погрузился в ту шахматную партию Девяти Врат.

Боясь, что того проведут, он и сам добровольно прыгнул в этот омут.

С тех пор его шаги уже не останавливались ни на минуту.

Цзе Юйчэнь подошел к нему, и голос его звучал тише обычного: — Ну вот и отлично, ни о чём не думай и отдыхай.

Только тогда Черный Ослик медленно приоткрыл глаза, его взгляд сквозь линзы очков упал на лицо Цзе Юйчэня, и он нарочито глубокомысленным тоном произнес:

— Малыш Хуа... знаешь, некоторые вещи не перестают волновать тебя просто потому, что ты решил о них не думать.

Цзе Юйчэнь, услышав это, на мгновение замолчал, придвинул стоявшее рядом бамбуковое кресло и сел, устремив взгляд на буйно разросшиеся дикие цветы в углу двора.

Слова Черного Ослика, словно маленький камешек, упали в кажущуюся гладкой водную гладь, взбудоражив всё то, что осело на дне.

— Да, не перестают волновать только потому, что хочешь о них забыть.

Голос Цзе Юйчэня звучал чуть глуховато, неся в себе едва уловимую усталость.

— Особенно когда это касается «него».

Это «он» — оба прекрасно понимали без лишних слов, речь шла о Чжане Цилине.

Ленивая улыбка на лице Черного Ослика немного померкла. Он не стал отвечать, лишь покачивание кресла, казалось, стало чуть менее размашистым.

Огромный кольцевой световой экран парил в центре чистого белого пространства, запечатлев момент, когда Черный Ослик полулежит в кресле-качалке, а в уголке его губ играет та самая ленивая улыбка.

В воздухе висело напряженное затишье, словно только что показанный фрагмент вытянул всю легкость из атмосферы.

У Се посмотрел на Черного Ослика, сидевшего в переднем ряду.

Он и сам не ожидал, что Сяо Хуа решит встать на сторону Черного Ослика, ведь они были друзьями детства.

В то же время Чжан Цилин повернул голову и посмотрел на Черного Ослика.

Непонятно почему, но в душе у него шевельнулось странное чувство.

Ему всё время казалось, что отношения между ним и Слепцом — особенные.

Но вспомнить он ничего не мог.

Цзе Юйчэнь посмотрел на Черного Ослика и с досадой помассировал переносицу: — Я так и знал, что ты не отпустишь это.

— Слепец, неужели ты не можешь нормально отдохнуть?

Хотя фраза звучала как вопрос, в интонации сквозила уверенность.

В конце концов, он был одним из немногих, кто знал об отношениях Черного Ослика и Чжана Циляня.

Он знал, что Черный Ослик не может отпустить Чжана Циляня.

Но это не мешало ему искренне сочувствовать Черному Ослику.

Жалеть Черного Ослика, которого любимый человек раз за разом забывает, смотреть, как тот поворачивается спиной и выбирает кого-то другого, и не иметь возможности ничего изменить.

Но и поделать он ничего не мог.

Всё, что было в его силах, — это лишь не давать Черному Ослику раниться еще сильнее.

Черный Ослик с улыбкой посмотрел на Цзе Юйчэня и произнес: — Малыш Хуа, разве Слепец не из-за нехватки денег тут распинается?

Он понимал, к чему клонит Цзе Юйчэнь.

И тем не менее.

Дела этого мира сложны и запутаны, и далеко не всё можно легко отпустить или выбросить из головы.

Порой, даже изо всех сил пытаясь позабыть о прошлом, мы обнаруживаем, что эти воспоминания неотступно преследуют нас, словно тень, от которой невозможно избавиться;

А порой некоторые чувства прорастают в самой глубокой сердцевине души подобно неизлечимой болезни, и как бы сильно мы ни старались, искоренить их полностью не удастся.